

О ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ПУНКТА 2 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 101 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И ЧАСТИ 6 СТАТЬИ 90
КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА “СУДЕБНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ”, УЧИТЫВАЯ ТАКЖЕ ТОЛКОВАНИЕ УПОМЯНУТЫХ
ПОЛОЖЕНИЙ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ,
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ДАВИДА АРУТЮНЯНА

г. Ереван

21 мая 2024 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), В. Григоряна, Г. Товмасына, О. Овакимяна, Э. Шатирына, С. Сафарян, А. Вагаршяна, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – Д. Арутюняна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания М. Степанян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции пункта 2 части 1 статьи 101 Кодекса административного судопроизводства Республики Армения и части 6 статьи 90 Конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения”, учитывая также толкование упомянутых положений в правоприменительной практике, на основании обращения Давида Арутюняна”.

Кодекс административного судопроизводства Республики Армения (далее – Кодекс) принят Национальным Собранием 5 декабря 2013 года, подписан Президентом Республики 28 декабря 2013 года, вступил в силу с 7 января 2014 года.

Пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса, озаглавленной “Судебные санкции и общий порядок их применения”, устанавливает:

“1. По основаниям, предусмотренным Конституционным законом “Судебный кодекс Республики Армения”, суд вправе применить в отношении участвующих в административном процессе лиц, представителей и других лиц, присутствующих на судебном заседании, следующие санкции:

(...)

2) удаление из зала судебных заседаний”.

Вышеупомянутое положение Кодекса изложено в новой редакции в соответствии с принятым 9 февраля 2018 года Законом НО-120-Н “О внесении изменений и дополнений в Кодекс административного судопроизводства Республики Армения”.

Конституционный закон “Судебный кодекс Республики Армения” (далее также – Конституционный закон) принят Национальным Собранием 7 февраля 2018 года, подписан Президентом Республики 10 февраля 2018 года, вступил в силу с 9 апреля 2018 года.

Часть 6 статьи 90 Конституционного закона, озаглавленной “Заседания Высшего судебного совета”, устанавливает:

“6. Заседания Высшего судебного совета являются открытыми в случае, когда он выступает в качестве суда, за исключением случаев, когда данные заседания по ходатайству члена Высшего судебного совета или участника производства по мотивированному решению Высшего судебного совета проводятся в закрытом режиме – с целью защиты частной жизни участников производства, интересов правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности”.

Вышеупомянутое положение Кодекса дополнено и изменено в соответствии с принятым 25 марта 2020 года Конституционным законом НО-197-Н “О внесении дополнений и изменений в Конституционный закон Судебный кодекс Республики Армения”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 3 января 2024 года обращение Д. Арутюняна.

Изучив обращение, другие имеющиеся в деле документы, письменное объяснение ответчика, проанализировав оспариваемое положение Закона и находящиеся с ним во взаимосвязи иные положения, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Краткая предыстория дела

14 апреля 2023 года пресс-секретарь министра юстиции представил исполняющему обязанности министра юстиции докладную записку номер N//9734-2023 о рассмотрении необходимости изучения оснований возбуждения дисциплинарного производства в отношении судьи Уголовного суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана Давида Арутюняна (далее также – Судья) в связи с публикацией в средствах массовой информации.

По решению министра юстиции (исполняющего обязанности) от 20 апреля 2023 года N 31-А в отношении Судьи было возбуждено дисциплинарное производство.

24 мая 2023 года исполняющий обязанности министра юстиции подал в Высший судебный совет (далее – Совет) ходатайство о привлечении Судьи к дисциплинарной ответственности, указав, что основанием для возбуждения дисциплинарного производства стало явное нарушение Судьей правил поведения судьи, предусмотренных пунктами 1, 6 и 8 части 1 статьи 69 Конституционного закона, а поводом для возбуждения дисциплинарного производства – соответствующая публикация в средствах массовой информации.

19 июня 2023 года министр юстиции обратился в Совет с ходатайством о проведении судебного заседания по делу о привлечении Судьи к дисциплинарной ответственности в закрытом режиме со следующей мотивировкой: “(...) Характер допущенных Судьей дисциплинарных нарушений таков, что непосредственно касается дискредитации Судьей судебной власти в своем публичном выступлении, ставя под сомнение независимость выступающего в качестве суда Высшего судебного совета и законность принимаемых им решений. Тогда как предусмотренная Конституцией функция Совета по обеспечению независимости судов и судей предполагает недопущение Советом в рамках предоставленных ему полномочий любых действий, дискредитирующих судебную власть, препятствующих гарантированию независимости судов и судей. С учетом изложенного полагаем, что распространение указанного выступления Судьи в рамках публичного рассмотрения дела в судебном порядке может иметь дополнительное негативное влияние в

контексте поддержания доверия общества к судебной власти, признания ее авторитета, независимости и уверенности в ее беспристрастности, поэтому проведение судебного заседания в закрытом режиме обусловлено необходимостью защиты интересов правосудия”.

В ходе судебного заседания, состоявшегося 19 июня 2023 года, Совет решил удовлетворить заявленное ходатайство (основание – протокол судебного заседания от 19 июня 2023 года по делу номер ВСС-57-В-К-16).

Своим решением от 3 июля 2023 года номер ВСС-57-В-К-16 Совет посчитал важным обратиться к вопросу о необходимости принятия решения о рассмотрении ходатайства Уполномоченного органа о привлечении Судьи к дисциплинарной ответственности в закрытом режиме и констатировал, что допущенные Судьей нарушения правил поведения судьи, установленные пунктами 1, 6 и 8 части 1 статьи 69 Конституционного закона и являющиеся основанием для возбуждения дисциплинарного производства, содержат публичные заявления, дискредитирующие судебную власть, снижающие уверенность общества в независимости и беспристрастности судебной власти, что, по мнению Совета, послужило основанием для проведения судебного заседания в закрытом режиме. Совет, в частности, отметил: “(...) учитывая закрепленную в Конституции функцию Совета по обеспечению независимости судов и судей, распространение Судьей в рамках публичного рассмотрения дела в судебном порядке информации относительно вышеуказанных фактов может иметь дополнительное негативное влияние в контексте поддержания авторитета судебной власти и сохранения общественного доверия к нему, именно поэтому Совет, исходя из необходимости защиты интересов правосудия, принял решение о проведении судебного заседания в закрытом режиме.

(...)

(...) учитывая описанные реалии, в том числе риск дискредитации судебной власти, необходимость сохранения достоинства судей, исходя из соображений поддержания уверенности общества в независимости и беспристрастности судебной власти, одновременно подчеркивая необходимость соблюдения принципа публичности, Совет в установленные сроки публикует данное решение в полном объеме на официальном веб-сайте судебной власти”.

В ходе судебного заседания, состоявшегося 26 июня 2023 года, Совет применил в отношении Судьи санкцию “удаление из зала судебных заседаний”, продолжив рассмотрение дела без участия Судьи и его представителей (основание – протокол судебного заседания от 26 июня 2023 года по делу номер ВСС-57-В-К-16).

На судебном заседании 3 июля 2023 года Совет огласил заключительную часть своего Постановления номер ВСС-57-В-К-16, в котором постановил:

“1. Ходатайство исполняющего обязанности министра юстиции Левона Баляна о привлечении к дисциплинарной ответственности судьи уголовного суда общей юрисдикции первой инстанции г. Еревана Давида Арутюняна удовлетворить. Полномочия судьи уголовного суда общей юрисдикции первой инстанции г. Еревана Давида Арутюняна на основании существенного дисциплинарного нарушения прекратить.

(...)”.

2. Позиции заявителя

Д. Арутюнян (далее – Заявитель), в частности, отмечает: “Примененные в отношении Заявителя в соответствии с решением Высшего судебного совета (решение Высшего судебного совета от 3 июля 2023 года ВСС-57-В-К-16 “По вопросу о привлечении судьи Уголовного суда общей юрисдикции первой инстанции города Еревана Давида Арутюняна к дисциплинарной ответственности”) часть 2 статьи 11, часть 6 статьи 90 Конституционного закона (закрытое судебное заседание с целью защиты интересов правосудия), часть 2 статьи 50 и взаимосвязанный с ней пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса административного судопроизводства РА (удаление судьи из зала судебных заседаний) являются очевидным вмешательством в гарантированные статьями 61 и 63, а также частью 1 статьи 31 и статьей 49 Конституции основные права заявителя на эффективную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, на неприкосновенность своей частной и семейной жизни, защиту доброго имени, а также право поступления на публичную службу”.

В связи с вопросом конституционности данного в правоприменительной практике толкования части 6 статьи 90 Конституционного закона Заявитель считает, что защита интересов правосудия не является самостоятельным основанием для ограничения гласности судебного разбирательства и проведения закрытого судебного заседания, если

нет сопутствующей необходимости защиты прав человека. Заявитель, в частности, отмечает: **“(….) невозможно здраво представить ситуацию, что есть лица, которые являются носителем интересов правосудия, следовательно, гласность судебного разбирательства может быть ограничена лишь в целях защиты интересов правосудия.**

(…)

(…) интересы правосудия или их защиту нельзя толковать буквально или в узком смысле и понимать под этим касающийся исключительно правосудия любой узкий вопрос, каковыми являются законотворческая деятельность, законодательные изменения, выносимые судом публичные решения или их законность. Такие процессы (….) не могут осуществляться за закрытыми дверями в контексте буквального толкования защиты интересов правосудия.

(…)

(…) Толкование законов в правоприменительной практике и/или законодательный пробел и/или определенность закона в той мере, в какой исключительно в целях защиты интересов правосудия предоставляется возможность вмешательства в один из существенных элементов справедливого судебного разбирательства, а именно в предусмотренный законом принцип гласности судебного разбирательства, являются неконституционными, противоречат гарантированным частью 1 статьи 61 и частью 1 статьи 63 Конституции правам на эффективную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство”.

Заявитель также поднимает вопрос о том, созвучно ли рассмотрение дела в закрытом режиме исключительно в целях защиты интересов правосудия конституционному принципу правовой определенности, учитывая то обстоятельство, что законом не установлены конкретные допустимые случаи проведения закрытого судебного разбирательства в целях защиты интересов правосудия.

По поводу вопроса применения в отношении судьи в рамках дисциплинарного производства судебной санкции “удаление из зала судебных заседаний” Заявитель, в частности, считает, что **“(….) именно на начальном этапе рассмотрения дела, особенно когда судья на начальной стадии дисциплинарного производства еще не представил материалы и/или не было разрешено представлять материалы, доказательства, не давал разъяснений, не было защитительной речи, не присутствовали адвокаты, представители, участие**

представителей не было обеспечено и в дальнейшем, и к нему применена санкция “удаление из зала судебных заседаний”, то норма или ее подобное толкование в правоприменительной практике противоречит конституционным принципам равноправия сторон, состязательности, праву на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство”.

Заявитель также отмечает, что “(...) хотя до окончания судебного заседания, после применения судебной санкции адвокаты прибыли, Председатель Совета запретил им вход, при этом, громко выразив свое сожаление, продолжил заседание, однако указанное само по себе подлежит оценке и оспариванию посредством иных процедур, и вопрос законности или правомерности действий или решения перед Конституционным Судом не ставится, а данным обращением перед Конституционным Судом ставится вопрос о правовом пробеле или толковании положения в правоприменительной практике, которое было применено правоприменителем в этой сфере, а именно Высшим судебным советом - единственным органом, который формирует правоприменительную практику по делам о дисциплинарных нарушениях”.

Заявитель отмечает, что “(...) вследствие применения судебной санкции не было обеспечено право лица быть выслушанным, сторона на соответствующей стадии дисциплинарного производства не воспользовалась правом на дачу объяснений в связи с обвинением, участие в исследовании доказательств, выступление с заключительной речью, в результате чего его полномочия были прекращены”.

(...) если бы Заявитель не был удален из зала судебных заседаний, причем на неопределенный срок, если бы было обеспечено его право быть выслушанным и в связи с санкцией, и в связи с судебным производством в целом, и подобным толкованием и действиями не были бы ограничены его права применением вышеупомянутых правовых положений, то подобное вмешательство в основные права привлеченного к дисциплинарной ответственности судьи на справедливое судебное разбирательство, на защиту доброго имени, а также в право поступления на публичную службу не произошло бы”.

Согласно Заявителю, “(...) часть 2 статьи 50 Закона и пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса административного судопроизводства РА и/или данное им в правоприменительной практике толкование и/или законодательный пробел, в частности также постольку,

поскольку не исключают или предоставляют возможность применения такой судебной санкции, как удаление судьи из зала судебного заседания при рассмотрении дела о дисциплинарной ответственности, и/или постольку, поскольку не предусматривают продолжительность применения санкции, и/или постольку, поскольку не предусматривают невозможность продолжения судебного заседания без участия адвоката, являются неконституционными и противоречат гарантированным частью 1 статьи 61 и частью 1 статьи 63 Конституции правам на эффективную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство”.

3. Позиции ответчика

Национальное Собрание (далее – Ответчик), в частности, считает, что предусмотренное частью 2 статьи 11 и частью 6 статьи 90 Судебного кодекса проведение судебного заседания в закрытом режиме в целях защиты интересов правосудия соответствует принципу соразмерности, а ограничение этим предполагаемых прав преследует правомерную цель.

Согласно Ответчику, “Заявитель, по сути, поднимает вопрос о неправомерном применении в отношении него нормы, о том, что основания для проведения судебного заседания в закрытом режиме были недостаточными или отсутствовали, и это обстоятельство не может вызвать вопрос конституционности нормы”.

По мнению Ответчика, оспариваемые нормы призваны гарантировать осуществление эффективного судебного разбирательства: “В рассматриваемом случае в целях обеспечения эффективного рассмотрения судебного дела установлены определенные процедуры (судебное заседание в закрытом режиме, удаление из зала судебных заседаний), которые направлены и способствуют осуществлению правосудия, в частности осуществлению эффективного рассмотрения дела в ходе судебного заседания. Указанные процедуры также позволяют предотвратить возможные злоупотребления правом. Указанные процедуры не ограничивают право лица на доступ к суду и справедливое судебное разбирательство, а способствуют защите интересов правосудия”.

Касательно части 2 статьи 50 Кодекса Ответчик считает, что “невозможность применения в отношении некоторых участников производства такой судебной санкции, как “удаление из зала судебных заседаний”, направлена на обеспечение достаточных гарантий участия представителя или защитника в ходе рассмотрения дела, “(...) что дает возможность

лицу, удаленному из зала судебных заседаний, в полной мере реализовать свое право на судебную защиту.

(...)

Необходимо отметить, что во всех случаях вопрос о невозможности или возможности продолжения рассмотрения дела носит оценочный характер и суд, исходя из обстоятельств дела, может принять подобное решение, следовательно, постольку поскольку норма не устанавливает императивное регулирование прекращения рассмотрения дела, это не может быть истолковано так, что суд лишен права принятия такого решения. Поэтому в условиях нынешнего регулирования суд может прекратить рассмотрение дела при наличии достаточных оснований.

В случае установления такого императива, согласно которому во всех случаях при отсутствии представителя рассмотрение дела должно быть прервано, появляется риск злоупотребления правом, что приведет к искусственному затягиванию рассмотрения дел.

Ответчик считает, что поднятый Заявителем вопрос о законодательном пробеле или неконституционном толковании в связи с оспариваемыми положениями отсутствует и утверждения Заявителя, по сути, являются необоснованными.

Ответчик просит принять по данному делу решение о признании оспариваемых положений соответствующими Конституции.

4. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Для определения конституционности оспариваемых настоящим обращением положений законов, учитывая также данные им в правоприменительной практике толкования, Конституционный Суд считает необходимым обратиться, в частности, к нижеизложенным вопросам:

- Обеспечивается ли в условиях данного в правоприменительной практике части 6 статьи 90 Конституционного закона такого толкования, согласно которому в случае, когда Совет выступает в качестве суда, заседания могут проводиться в закрытом режиме с целью защиты интересов правосудия, а также в случае, когда факты, являющиеся основанием для разбирательства в закрытом режиме, на момент осуществления дисциплинарного производства уже обнародованы, возможность реализации гарантированного частью 1

статьи 63 Конституции права лица на справедливое судебное разбирательство в контексте гарантирования права на публичное разбирательство дела?

- Созвучен ли пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса в условиях данного ему в правоприменительной практике такого толкования, согласно которому в рамках дисциплинарного производства в отношении судьи судебная санкция “удаление из зала судебного заседания” может применяться без гарантирования возможности участия представителя судьи после применения указанной санкции, конституционно-правовому содержанию гарантированного частью 1 статьи 61 Конституции права на судебную защиту и гарантированного частью 1 статьи 63 Конституции права на справедливое судебное разбирательство?

5. Правовые позиции Конституционного Суда

5.1. Одним из основополагающих принципов осуществления правосудия в демократическом обществе является публичное рассмотрение дела, которое является характерным элементом права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного Учредителем Конституции в части 1 статьи 63 Конституции. Гласность судебного дела в конституционном праве представляется двояко - как принцип и как индивидуальное право человека. Как *принцип* она, с одной стороны, является краеугольным камнем деятельности судов, важнейшей гарантией обеспечения правосудия и первичным залогом становления правового государства и демократии, с другой стороны, предполагает участие общественности в судебных заседаниях, тем самым предоставляя ей возможность приобщения к осуществлению правосудия, осуществления общественного контроля за последним, что прямо следует из императива демократии. Как *индивидуальное право человека*, она, являясь существенным элементом права человека на справедливое судебное разбирательство, предполагает право лица на открытое и публичное проведение осуществляемого в отношении него судебного производства. Так, Европейский суд по правам человека (далее также - ЕСПЧ), обращаясь к правовому значению принципа публичности в контексте осмысления закрепленного статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также – Конвенция) права на справедливое судебное разбирательство, подчеркнул, что этот принцип охраняет сторон судопроизводства от осуществления лишнего общественного контроля судебного

разбирательства, обеспечивая доверие общества к судам (как к вышестоящим, так и к нижестоящим,) и, по сути, направлен на претворение в жизнь целей пункта 1 статьи 6 Конвенции (*Gautrin and Others v. France*, 38/1997/822/1025– 1028, 20.05.1998, § 42, *Pretto and Others v. Italy*, Application no. 7984/77, 08.12.1983, § 21). Принцип гласности включает в себя два важных аспекта: публичное рассмотрение судебного дела и оглашение вынесенного по делу акта на открытом заседании (*Tierce and Others v. San Marino*, Applications nos. 24954/94, 24971/94 and 24972/94, 25.07.2000, § 93, *Sutter v. Switzerland*, Application no. 8209/78, 22.02.1984, § 27).

Касательно вышеизложенного в Постановлении Конституционного Суда от 2 июля 2019 года ПКС-1467, в частности, указано: “(...) Принцип публичности судебного разбирательства является одним из основополагающих принципов осуществления правосудия в демократическом обществе, роль и значение которого заключаются в том, что этот принцип является серьезной гарантией обеспечения законной деятельности суда, присутствие общества и средств массовой информации при рассмотрении судебного дела является для суда сдерживающим фактором”.

Конституционный Суд, в Постановлении от 11 апреля 2012 г. ПКС-1020 обращаясь к гарантиям реализации права на справедливое судебное разбирательство и, в частности, к принципу публичности, отметил: “(...) минимальными и важными гарантиями реализации этого права являются **публичное судебное разбирательство** (в частности, публичные сведения о рассматриваемом деле суде, являющемся предметом спора деле, месте, времени рассмотрения, порядке судебного разбирательства и ином), а также **обязательное опубликование судебного акта**.

(...)

(...) публичность судопроизводства в первую очередь означает возможность осуществления общественного контроля за судопроизводством и принятыми судом актами”.

Конституционный Суд констатирует, что публичность судебного разбирательства является важным элементом права на справедливое судебное разбирательство, который призван обеспечить:

- реализацию права лица на открытость, прозрачность и подконтрольность обществу осуществляемого в отношении него или с его участием судебного разбирательства;

- осуществление общественного контроля за правосудием, в том числе “вход” представителей средств массовой информации в суд;

- подотчетность судов перед обществом;

- укрепление уверенности сторон судопроизводства и общественности в независимости и беспристрастности суда и судьи.

Тем не менее принцип публичности правосудия не является абсолютным и подлежит ограничениям, исходя из публичных интересов и конституционно-правовых целей защиты прав человека. Во внутригосударственных и международных правовых системах определены те правомерные цели, для защиты которых публичность может быть ограничена, в частности, рассмотрением судебных дел в закрытом режиме. Частью 2 статьи 63 Конституции установлено: “2. Судебное производство или его часть в установленных законом случаях и порядке может по решению суда проводиться при закрытых дверях — в целях защиты частной жизни участников судебного производства, интересов несовершеннолетних или правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности”.

В части 1 статьи 6 Конвенции также закреплены основания, при наличии которых судебное заседание может проводиться при закрытых дверях: “(...) Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”.

Таким образом, принцип публичности может быть ограничен только при наличии **строго необходимых и особых обстоятельств**.

Конституционный Суд констатирует, что **проведение судебного разбирательства или его части в закрытом режиме является процессуальной мерой защиты установленных Конституцией и законом целей, которой правоприменителю**

предоставляется возможность предотвратить возможную угрозу интересам, находящиеся под конституционно-правовой защитой, что в каждом случае должно быть максимально реальным и предсказуемым.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 2 апреля 2019 года ПКС-1452 констатировал: “1) принцип публичности и в рамках Конституции, и в рамках международных правовых актов, и в рамках процессуального законодательства является важнейшим и незыблемым принципом реализации процессуальных прав (...),

(...)

3) принцип публичности может быть ограничен только при наличии четко предусмотренных Конституцией обстоятельств, а при осуществлении ограничения в соответствии с предусмотренным законом порядком также не может идти речи о нарушении принципа публичности”.

Цели ограничения принципа публичности посредством проведения судебного разбирательства или его части в закрытом режиме в одном случае преследуют защиту **частных интересов**, связанную с необходимостью защиты прав участников производства, в другом случае они направлены на защиту **публичных интересов**, связанную с необходимостью защиты интересов правосудия, государственной безопасности, общественного порядка или нравственности.

Хотя публичные и частные интересы взаимообусловлены и взаимодополняемы, и во всех случаях проведение судебного разбирательства или его части в закрытом режиме в целях защиты частных интересов исходит также из публичных интересов, этим никоим образом не оспаривается самодостаточность публичных интересов. **Конечным бенефициаром публичных интересов, в том числе интереса правосудия, является общественность, а ответственным за преследование публичного интереса - публичная власть, которую Учредитель Конституции наделил исключительной конституционной миссией по обеспечению и защите публичных интересов.** Общественные интересы, перечисленные в части 2 статьи 63 Конституции, в том числе интерес правосудия, являются сверхважными с государственно-правовой точки зрения, и в случаях, когда открытое рассмотрение судебного дела может привести к возникновению угрозы для любого из последних, судебное разбирательство или его часть должна проводиться в закрытом режиме.

Согласно предусмотренным Учредителем Конституции требованиям к механизму ограничения принципа публичности путем проведения судебного заседания в закрытом режиме, судебное разбирательство или его часть может проводиться в закрытом режиме **(1) только по решению суда и (2) в случаях и порядке, установленных законом.**

Учредитель Конституции, предусмотрев краугольные положения являющегося предметом рассмотрения института, законодательную конкретизацию/детализацию последних делегировал законодателю, который и предусмотрел соответствующие законодательные механизмы с учетом материально-правовых и процедурных особенностей, характерных для отдельных видов судебных дел. Так, оспариваемая Заявителем часть 6 статьи 90 Конституционного закона, наряду с вышеуказанными конституционными процессуальными требованиями, предусматривает, что Совет может провести заседание в закрытом *режиме только по ходатайству члена Совета или участника производства*, что обусловлено конституционно-правовым статусом Совета как коллегиального судебного органа. В контексте изложенного следует констатировать, что оспариваемые Заявителем положения соотносятся друг с другом как общие и специальные нормы. Часть 2 статьи 11 Конституционного закона, отраженная в озаглавленной “Принципы организации и деятельности судов” главе 2, содержит законодательные основания проведения закрытого судебного заседания, которые применимы в целом ко всем видам судопроизводств независимо от отраслевой принадлежности. А часть 6 статьи 90 Конституционного закона закрепляет, в частности, основания проведения Советом, выступающим в качестве суда, судебных заседаний в закрытом режиме по установленным в статье 11 критериям. Оба правовых положения следуют из части 2 статьи 63 Конституции и являются ее законодательным отражением.

Вместе с тем, независимо от характерных отдельным видам судебных дел материально-правовых и процедурных особенностей, такое интенсивное ограничение принципа публичности, как проведение судебного заседания в закрытом режиме, должно соответствовать нижеизложенным критериям правомерности:

1. Должно быть обусловлено целью гарантирования интересов, находящихся под конституционно-правовой защитой. Проведение судебного заседания в закрытом режиме действительно должно преследовать цель гарантирования интересов, находящихся под защитой Конституции и закона. Все случаи ограничения принципа публичности

посредством проведения судебного заседания в закрытом режиме, обусловленные (продиктованные) иными мотивами, чем подлежащие предусмотренной законом защите интересы, являются неправомерными и противоречат конституционно-правовому значению являющейся предметом рассмотрения нормы. Принимая решение о проведении судебного заседания в закрытом режиме, суд должен руководствоваться исключительно предусмотренными Конституцией правомерными целями, оставаясь выше различных импульсов и факторов, ставящих под сомнение независимость и беспристрастность судебной власти, подшатавающих авторитет судебной власти, подрывающих доверие общества к последней и препятствующих осуществлению правосудия. **Закрытое судебное заседание не должно быть средством прикрытия для осуществления «теневое правосудия».**

Любое ограничение принципа публичности, которое реально не преследует цель защиты какого-либо перечисленного в части 2 статьи 63 Конституции интереса приводит к нарушению принципа публичности судопроизводства.

2. Должно применяться в качестве последней возможной мерой защиты какого-либо предусмотренного частью 2 статьи 63 Конституции интереса, когда публичное рассмотрение дела нанесет необратимый ущерб являющемуся предметом рассмотрения интересу, находящемуся под конституционно-правовой защитой.

3. Должно быть эффективным с точки зрения защиты любого перечисленного в части 2 статьи 63 Конституции интереса. Если проведение судебного разбирательства в закрытом режиме не может гарантировать обеспечение или защиту перечисленных интересов, то ограничение принципа публичности вследствие его применения, по сути, теряет смысл. Для того чтобы проведение судебного разбирательства или его части в закрытом режиме являлось эффективной мерой защиты заявленных целей и интересов, необходимо, чтобы обнародование в ходе судебного разбирательства содержащих предполагаемую угрозу фактических обстоятельств, наличием которых обуславливается необходимость закрытого рассмотрения судебных дел, было продиктовано *реальной, неабстрактной и предвидимой* природой опасности, угрожающей интересам, защищаемым посредством ограничения гласности.

В контексте вышеизложенного Конституционный Суд считает необходимым раскрыть конституционно-правовые особенности проведения судебного разбирательства в закрытом режиме в целях защиты интересов правосудия.

Понятие *«интерес правосудия»* многослойное и многогранное; предвидеть и абсолютно четко определить конкретный, исчерпывающий перечень общественных отношений, содержащих интересы правосудия, практически невозможно. Соответственно, в ходе рассмотрения дела могут возникнуть такие обстоятельства, которые тем или иным образом могут поставить под угрозу интерес правосудия, и в каждом случае источник предполагаемой опасности и проявления угрозы интересам правосудия могут быть многообразные и разнохарактерные, что позволяет сделать вывод о том, что исчерпывающее определение круга таких обстоятельств в контексте переменного процесса формирования и осмысления общественных интересов хотя и целесообразно, однако, с точки зрения законодательной политики, невозможно.

Конституционный Суд констатирует, что обстоятельства, являющиеся основанием для проведения судебного заседания в закрытом режиме в целях защиты интересов правосудия, в каждом случае *подлежат оценке/квалификации судом*, что предоставляет правоприменителю возможность из соображений защиты конституционно-правовых целей проявить соответствующее правомерное противодействие обстоятельствам, представляющим угрозу интересам правосудия.

Следовательно, в контексте вышеизложенного обращаясь к поднятому Заявителем вопросу о том, соответствует ли ограничение принципа публичности закрытым рассмотрением дела исключительно в целях защиты интересов правосудия конституционному принципу правовой определенности в том случае, когда законом не установлены конкретные допустимые случаи проведения закрытого судебного разбирательства в целях защиты интересов правосудия, Конституционный Суд констатирует, что в связи с настоящим вопросом проблема правовой определенности не возникает.

Вместе с тем вышеуказанное ни в коей мере *не означает, что законодатель предоставил суду абсолютное усмотрение в толковании понятия “интерес правосудия”*. Проведение закрытого судебного заседания с ограничением принципа публичности в целях защиты интереса правосудия в каждом случае должно быть продиктовано необходимостью

обеспечения необходимых условий для эффективного и беспрепятственного осуществления правосудия по находящемуся в производстве суда конкретному делу. В этом контексте суд должен раскрыть, по его оценке, угрожающие интересам правосудия обстоятельства и надлежащей мотивировкой обосновать, *угрожают ли обстоятельства, в связи с которыми рассмотрение дела осуществляется в закрытом режиме, эффективности рассмотрения дела или его беспрепятственному ходу*, и может ли ограничение публичности судопроизводства при наличии такой опасности *обеспечить защиту этого интереса?*

Выявление судом причинно-следственной связи между указанными обстоятельствами и угрожающей интересам правосудия возможной опасностью и мотивировки решения касательно ограничения публичности судопроизводства, естественно, с сохранением конкретным судом усмотрения в определении глубины и объема мотивировок, имеют стержневое значение для обеспечения конституционности ограничения принципа публичности посредством проведения судебного разбирательства в закрытом режиме, учитывая, что обеспечение публичности судопроизводства является общим конституционным правилом, исключения из которого должны иметь убедительное обоснование по каждому конкретному делу и случаю.

В свете обстоятельств настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым отметить, что в целях защиты интересов правосудия суд в решении о проведении всего *судебного* разбирательства или его *части в закрытом* режиме должен выделить обстоятельства, содержащие угрозу интересам правосудия. *Нейтрализация угрозы интересам правосудия не должна быть несвоевременной и беспредметной*: обстоятельства, содержащие угрозу интересам правосудия, и причиненный ими ущерб должны быть реальными.

Обращаясь в контексте вышеизложенного к фактическим обстоятельствам настоящего дела, Конституционный Суд констатирует, что ограничение Советом принципа публичности при осуществлении разбирательства по дисциплинарному производству в закрытом заседании основано на позиции Совета, согласно которой повторение судьей в открытом судебном заседании выраженного им в интервью мнения, критикующего деятельность Совета, может поставить под угрозу авторитет судебной власти и тем самым причинить урон интересам правосудия. Между тем, помимо обстоятельства угрозы

авторитету судебной власти, не приводится какое-либо обстоятельство препятствования эффективному осуществлению правосудия по конкретному дисциплинарному производству. Более того, в отношении Заявителя Высшим судебным советом было возбуждено и впоследствии осуществлено дисциплинарное производство в связи с нарушением Судьей правил поведения судьи допущенными им выражениями, и в основе решения об ограничении публичности судебного производства в связи с этим нарушением, по смыслу части 2 статьи 63 Конституции, с целью защиты “интересов правосудия” не было представлено ни обстоятельство, препятствующее приобретению, изучению доказательств, защите их целостности и сохранности, ни обстоятельство, содержащее угрозу самому процессу судопроизводства. Наряду с констатированным, Конституционный Суд отмечает также, что допущенные Судьей выражения, послужившие основанием для возбуждения дисциплинарного производства, уже получили огласку, распространившись средствами массовой информации, и стали известны обществу еще до возбуждения дисциплинарного производства. То есть в момент вынесения решения об осуществлении разбирательства по дисциплинарному производству в закрытом заседании с целью защиты интересов правосудия такие выражения, оценка правомерности которых входит в компетенцию Высшего судебного совета, при отсутствии в решении об ограничении публичности дисциплинарного производства иного обоснования, по оценке Высшего судебного совета, уже нанесли вред авторитету судебной власти.

Конституционный Суд считает, что данное Советом толкование оспариваемой части 6 статьи 90 Конституционного закона не соответствует конституционно-правовому значению и содержанию указанной нормы и тем самым не обеспечивает предусмотренные частью 2 статьи 63 Конституции требования ограничения публичности судопроизводства, приводя к нарушению предусмотренного частью 1 статьи 63 Конституции права на публичное рассмотрение дела.

В свете вышеизложенного Конституционный Суд считает, что часть 6 статьи 90 Конституционного закона соответствует Конституции в таком толковании, согласно которому формулировка “интерес правосудия” касается эффективного и беспрепятственного осуществления правосудия по рассматриваемому в Высшем судебном совете конкретному делу о дисциплинарном нарушении.

5.2. Конституционный Суд констатирует, что право лица на участие в осуществляемом в отношении него производстве при наличии соответствующих оснований может быть ограничено, и, учитывая рамки настоящего конституционно-правового спора, обратится к ограничению указанного права в контексте применения судебной санкции “удаление из зала судебных заседаний”.

Судебная санкция – это мера процессуального вмешательства, применяемая судом по основаниям и в порядке, предусмотренных законом, в ходе судебного разбирательства в отношении участников судопроизводства, их представителей и иных присутствующих в судебном заседании лиц в связи с проявлением ими поведения, препятствующего эффективному рассмотрению дела и/или порочащего судебную власть. В любом случае судебная санкция является проявляемым в связи с неправомерным поведением участника производства средством процессуального противодействия.

Применение судебных санкций, будучи направленным на защиту предусмотренных Конституцией и законами правомерных интересов, находится в рамках разумного усмотрения суда. Тем не менее данное усмотрение суда ограничено императивом гарантирования процессуальных прав сторон, в том числе также права быть выслушанным, особенно, когда речь идет о применении судебной санкции “удаление из зала судебных заседаний”.

Конституционный Суд констатирует, что часть 1 статьи 101 Кодекса устанавливает подлежащие применению в судопроизводстве при наличии соответствующих оснований виды судебных санкций и общий порядок их применения, а часть 2 статьи 50 Конституционного закона в рамках особенностей применения судебных санкций устанавливает круг участников судопроизводства, наделенных неприкосновенностью от судебной санкции “удаление из зала судебных заседаний”.

Противоправное поведение участника производства может проявляться как в нарушении процессуальных норм, так и в злоупотреблении процессуальными правами. Частью 3 статьи 18 Кодекса установлено, что *стороны должны добросовестно пользоваться своими процессуальными правами и добросовестно исполнять свои процессуальные обязанности.* Указанное в равной мере касается всех участников производства, проявление нарушения ими процессуальных норм и злоупотребления правами могут явиться основанием для применения судебных санкций.

Согласно общей логике рассматриваемого процессуального института, судебные санкции должны применяться только при необходимости. Об этом свидетельствует также часть 1 статьи 49 Конституционного закона, согласно которой *судья обязан своим поведением предотвращать и сводить к минимуму необходимость и случаи применения судебной санкции*. Суд при применении судебной санкции должен руководствоваться исключительно ее конституционно-правовым значением и процессуальной необходимостью.

Применение судебной санкции при конкретных обстоятельствах для участника производства должно быть предсказуемо. Итак, в части 2 статьи 101 Кодекса и в части 2 статьи 49 Конституционного закона установлено, что до применения судебной санкции судья должен в доступной форме предупредить о правомочности суда на применение судебной санкции, а также разъяснить основания и последствия применения судебной санкции, что обеспечит участнику производства предсказуемость отрицательных последствий проявляемого им противоправного поведения.

Исходя из соображений гарантирования процессуальных прав лица, часть 3 статьи 101 Кодекса устанавливает, что при применении в отношении присутствующего в зале судебного заседания лица судебной санкции суд при необходимости должен предоставить ему возможность высказаться, однако такая возможность не имеет абсолютный характер и при необходимости также может быть ограничена. Согласно указанному положению, при применении штрафа или при удалении участвующего в административном судопроизводстве лица из зала судебных заседаний непредоставление ему возможности высказаться должно быть обосновано судом.

Конституционный Суд отмечает, что **применение судебной санкции само по себе, а также ограничение возможности высказаться до применения судебной санкции в каждом случае должно быть обосновано и мотивировано судом, что является предопределяющим предусловием правомерности ограничения права.**

Согласно части 4 статьи 101 Кодекса, если лицо признает противоправность своего деяния и просит суд проявить снисхождение, то судебная санкция в отношении указанного лица может не применяться, а в соответствии с частью 5, если лицо злоупотребляет предоставленным ему судом правом высказаться и использует его для продолжения деяния, послужившего основанием применения судебной санкции, или совершения нового деяния,

то судья вправе применить в отношении этого лица более строгую судебную санкцию. И так, за замечанием в плане интенсивности следует санкция “удаление из зала судебных заседаний”, которая предполагает ограничение прав на эффективную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, следовательно, должна применяться только в том случае, когда применением более мягкой санкции невозможно достичь преследуемой правомерной цели. В этом случае суд правомочен ограничить право лица на участие в производстве, применив в отношении него более строгую санкцию - “удаление из зала судебных заседаний”.

В контексте вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что судебная санкция “удаление из зала судебных заседаний”, являясь интенсивной мерой ограничения процессуальных прав лица, должна применяться только в особых случаях, когда применением более мягкой судебной санкции невозможно эффективно противодействовать неправомерному поведению участника производства – при противоположном восприятии являющейся предметом рассмотрения нормы будет искажена процессуальная миссия судебной санкции.

Конституционный Суд констатирует, что применение санкции “удаление из зала судебных заседаний” не должно приводить к состязательности сторон, в связи с этим также к полной блокировке принципов представительства интересов. Суд должен приложить все возможные и необходимые усилия для обеспечения достаточного представительства и защищенности интересов удаляемой из зала стороны (например, пригласив представителя стороны или при необходимости, когда невозможно продолжить разбирательство без присутствия стороны, отложив судебное заседание), и только в случае невозможности их обеспечения или безрезультатности примененных мер может продолжить разбирательство по делу в отсутствие заинтересованной стороны.

Применение судом соразмерной меры противодействия неправомерному поведению участника производства крайне важно в аспекте необходимости обеспечения целевой реализации норм, являющихся предметом рассмотрения.

Процессуальные нормы, особенно положения, предусматривающие ограничение прав, не должны восприниматься и толковаться судом изолированно, а должны подвергаться системному толкованию – в свете осмысления основополагающих и

верхovenствующих принципов конституционно-правового, общего процессуального и отраслевого процессуального законодательства, с осознанием того, что все процессуальные нормы, в том числе меры, имеющие принудительный характер, изначально вытекают из этих принципов и направлены на их надлежащую реализацию. Следовательно, противоречащее этим принципам толкование и применение процессуальных норм можно квалифицировать как неконституционное.

Конституционный Суд констатирует, что вышеуказанное в равной мере касается также дисциплинарных производств в отношении судей, которые отличаются не только особенностями субъектного состава и сферы деятельности, но и высоким коэффициентом общественного интереса. Основной целью конституционно-правовой миссии Совета является гарантирование независимости судов и судей. Конституция наделила Совет исключительной конституционно-правовой монополией привлекать судей к дисциплинарной ответственности и прекращать полномочия судей, в рамках чего Совет выступает в качестве суда.

В этом контексте Совет в каждом случае в рамках дисциплинарного производства должен проявить в отношении судьи соразмерное его высокому статусу отношение. Конституционно-правовая миссия Совета должна быть надлежащим образом реализована в контексте обеспечения независимости и авторитета судьи, осознания его профессионального достоинства и верховенства интересов правосудия. Соответственно, **судья, выступающий в разбирательства по дисциплинарному производству в качестве стороны, также должен руководствоваться высоким авторитетом своего профессионального статуса, проявляя созвучное духу его конституционно-правовой миссии поведение и подчеркнутое уважение к правосудию и к инстанциям, наделенным компетенцией осуществления правосудия.** Указанное касается всех этапов дисциплинарного производства и осуществления всех процессуальных действий.

Дисциплинарное производство в отношении судьи в конечном итоге может привести к такому интенсивному вмешательству в права, как прекращение полномочий судьи, что касается как интересов конкретного лица, так и интересов всей судебной власти, *подчеркивая необходимость соблюдения Советом надлежащего баланса интересов.*

В рамках дисциплинарного производства в отношении судьи, учитывая важность являющихся предметом рассмотрения правоотношений, а также чуткое общественное

реагируя на них, применение Советом судебных санкций должно иметь место исключительно при крайней необходимости со строгим соблюдением предъявляемых судопроизводству конституционно-правовых и процессуальных принципов. Судебная санкция “удаление из зала судебных заседаний” в отношении судьи должна толковаться и применяться Советом при строгом соблюдении конституционно-правовых критериев ограничения прав, а также должны быть приложены все возможные усилия для защиты процессуальных прав судьи в контексте обеспечения равенства сторон и права судьи быть выслушанным. Учитывая интенсивность отрицательных последствий, возникающих для судьи вследствие применения судебной санкции “удаление из зала судебных заседаний”, Советом должны быть задействованы равноценные процессуальные рычаги для обеспечения реализации права лица быть выслушанным.

Конституционный Суд считает, что гарантирование конституционного права на справедливое судебное разбирательство требует, чтобы в каждом случае применения санкции “удаление из зала судебных заседаний” Совет параллельно принимал бы меры для обеспечения права судьи быть выслушанным, гарантируя участие представителя судьи в дисциплинарном производстве, и даже в условиях отсутствия такой возможности должен как минимум обеспечить, чтобы позиция стороны при невозможности ее участия в производстве была бы представлена хотя бы в письменной форме.

Итак, при применении санкции “удаление из зала судебных заседаний” Совет:

- 1) должен учитывать особенности своего конституционно-правового статуса и прежде всего необжалуемость выносимых им решений (в условиях действующих на данный момент правовых регулирований);
- 2) должен учитывать влияние последствий применения являющейся предметом рассмотрения санкции в том случае, когда она применяется в условиях такого интенсивного ограничения публичности судебного заседания, как проведение закрытого судебного разбирательства;
- 3) учитывая влияние последствий применяемой меры, должен проявить чрезмерную осторожность в вопросе обеспечения разумной возможности для реализации права стороны быть выслушанным.

В рамках применения вышеотмеченных принципов в отношении особых обстоятельств настоящего дела Конституционный Суд констатирует, что санкция

“удаление из зала судебных заседаний” применена Советом в отношении Судьи в условиях отсутствия его представителей, и примерно через 20 минут после удаления Судьи из зала судебных заседаний разбирательство по данному делу завершилось. То есть при всем уважении к судебным полномочиям Совета, осуществляемым им в ходе производства, и к правомерности его решений Конституционный Суд отмечает, что в условиях невозможности участия в производстве в зале судебных заседаний в силу примененной Советом санкции, повлиявшей на реализации Заявителем права быть выслушанным, Заявитель не мог представить свою позицию даже в письменной форме, без участия в заседании лично или посредством своих представителей из-за удаления его из зала заседания и завершения судебного разбирательства, а также неразумно короткого, даже устанавливающего невозможность срока представления им письменных позиций.

Обобщая картину настоящего конституционно-правового спора, Конституционный Суд констатирует, что вследствие подобного толкования и применения оспариваемого положения неправомерным образом было ограничено как право гарантирования представительства интересов Судьи, так и право Судьи быть выслушанным, о чем свидетельствует невозможность представления им своей позиции, как минимум в заключительной речи, возникшая вследствие применения являющейся предметом рассмотрения санкции. В этом контексте Конституционный Суд подчеркивает, что применение являющейся предметом рассмотрения санкции в любом случае не должно приводить к нейтрализации права лица быть выслушанным.

В свете вышеизложенного Конституционный Суд считает, что пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса соответствует Конституции в таком толковании, согласно которому в рамках дисциплинарного производства судебная санкция “удаление из зала судебных заседаний” в отношении Судьи может быть применена, если Совет приложит все возможные и необходимые усилия для обеспечения права удаляемого из зала судьи быть выслушанным.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 8 части 1 статьи 169, части 1, 4 и 5 статьи 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 6 статьи 90 Конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения” соответствует Конституции в таком толковании, согласно которому под формулировкой “интерес правосудия” подразумевается эффективное и беспрепятственное осуществление правосудия по конкретному дисциплинарному делу, рассматриваемому Высшим судебным советом.

2. Пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса административного судопроизводства Республики Армения соответствует Конституции в том толковании, согласно которому судебная санкция “удаление из зала судебных заседаний” в рамках дисциплинарного производства в отношении судьи может быть применена тогда, когда Высший судебный совет приложит все возможные и необходимые усилия для обеспечения права удаленного из зала судебных заседаний судьи быть выслушанным.

3. Согласно части 10 статьи 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде” вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру в установленном законом порядке на основании вновь открывшегося обстоятельства, учитывая, что часть 6 статьи 90 Конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения” и пункт 2 части 1 статьи 101 Кодекса административного судопроизводства Республики Армения были применены в отношении заявителя в толковании, отличном от указанного в настоящем Постановлении толкования.

4. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

21 мая 2024 года

ПКС-1729

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения